

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ

ЗАСЛУЖЕННОГО ПРОФЕССОРА, ДОКТОРА ПРАВЪ

П. Г. Рѣдкія

по ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

въ связи

съ ИСТОРИЕЙ ФИЛОСОФИИ ВООБЩЕ.

«Все минется, одна правда остается».

Русская народная пословица.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 линія, 28.

1891.

1815

Настоящимъ, седьмымъ томомъ заканчивается первая часть обширного издания, предпринятое покойнымъ Петромъ Григорьевичемъ Рыдкинымъ, составляющая нынѣ чистое, а именно: исторію древней философіи права въ связи съ исторіей древней философіи вообще. Предсмертный недугъ и кончина автора не могли задержать выхода въ светъ издаваемаго нынѣ тома, такъ какъ все содержание его было вполнѣ приготовлено къ печати Петромъ Григорьевичемъ; онъ успѣлъ даже проделать корректуру значительной части печатавшейся книги (16-ти листовъ).

Что касается дальнѣйшей будущности издания, т.-е. второй, третьей и четвертой частей настоящаго сочиненія, то записки покойного по средневѣковой, новой и новѣйшей исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще сохранились въ такомъ количествѣ и уже приведены имъ въ такой порядокъ, что для продолженія и окончанія того дѣла, которому авторъ съ любовью отдавалъ свои послѣднія силы,

послѣдніе дни своей долголѣтней трудовой жизни,— для окончательной обработки и выпуска въ свѣтъ слѣдующихъ томовъ „Изъ лекцій П. Г. Рѣдкина“,— не предвидится особыхъ затрудненій, и въ непродолжительномъ времени наслѣдники приступятъ къ этому изданію.

ЧАСТИ ПЕРВОЙ

О Т Д Ё Л А П Я Т А Г О

Окончание.

II. Обозрѣніе существенаго содержанія философскихъ сочиненій Аристотеля.

ОКОНЧАНИЕ ПОЛИТИКИ: ЧАСТЬ ОСОБЕННАЯ.

По существенному содержанію мы раздѣляемъ особенную часть Аристотелевой „Политики“ на два раздѣла.

Раздѣлъ первый: О наилучшемъ (идеальномъ) государственномъ устройствѣ въ особенности, и—

Раздѣлъ второй: О существующихъ въ дѣйствительности (реальныхъ) формахъ государственного устройства въ особенности.

Раздѣлъ первый: О наилучшемъ (идеальномъ) государственномъ устройствѣ въ особенности.

По существенному содержанію первого раздѣла, мы подраздѣляемъ его на слѣдующія три части:

А. О наилучшей, вожделѣннѣйшей, счастливой жизни, какъ щѣли, имѣющейся въ виду наилучшимъ государственнымъ устройствомъ.

Б. Внѣшнія, зависящія отъ случайности, условія, которыхъ

должны быть даны въ государствѣ законодателю, для наилучшаго государственного устроенія, въ виду наилучшей, счастливой жизни.

В. Зависяція отъ знанія и воли самого законодателя условія, которые должны быть выработаны имъ для наилучшаго государственного устройства, въ виду наилучшей, счастливой жизни.

Такое подраздѣленіе первого раздѣла особенной части основывается на томъ, что Аристотель начинаетъ ее не съ непосредственнаго вступленія въ изслѣдованіе о наилучшемъ государственномъ устройствѣ, а съ опредѣленія, въ чёмъ состоить наилучшая, вожделѣннѣйшая, счастливая жизнь, ибо ее-то, какъ свою цѣль, и имѣеть въ виду наилучшее государственное устройство. Затѣмъ Аристотель излагаетъ условія, необходимыя для наилучшаго государственного устройства, имѣющаго въ виду сказанную цѣль; но онъ различаетъ два рода ихъ: 1) условія, предполагаемыя законодателемъ, но не отъ него зависяція, и 2) условія, вырабатываемыя самимъ законодателемъ и отъ него зависяція.

А. О наилучшей, вожделѣннѣйшей, счастливой жизни, какъ цѣли, имѣющейся въ виду наилучшимъ государственнымъ устройствомъ. Въ самомъ началѣ Аристотель разъясняетъ, почему предпосылаетъ онъ это изслѣдованіе своему изслѣдованію собственно уже о наилучшемъ государственномъ устройствѣ:

„Кто желаетъ (говорить Аристотель) надлежащимъ образомъ изслѣдовать вопросъ о наилучшемъ государственномъ устройствѣ, тотъ необходимо долженъ сперва опредѣлить, какая жизнь есть наилучшая (вожделѣннѣйшая), счастливая. Ибо пока этотъ вопросъ не будетъ решенъ, до тѣхъ поръ не можетъ быть решенъ и вопросъ, какое наилучшее государственное устройство, такъ какъ люди, пользующіеся наилучшимъ государственнымъ устройствомъ, вслѣдствіе доставляемыхъ имъ этимъ устройствомъ выгодъ, благъ, необходимо пользуются вмѣстѣ съ тѣмъ и наилучшею, счастливѣйшею, вожделѣннѣйшею жизнью, развѣ бы явились какія-либо противныя тому обстоятельства, которыхъ (какъ случайныхъ) вовсе не могутъ быть приняты здѣсь въ разсчетъ“.

Затѣмъ самъ Аристотель подраздѣляетъ изслѣдованіе вопроса

о вожделѣнїйшѣй, наилучшѣй, счастливой жизни на два изслѣдованія, говоря:

„Во-первыхъ, должно изслѣдовать вопросъ: какая жизнь есть наилучшая, вожделѣнїйшая, счастливѣйшая; для всѣхъ вообще, а затѣмъ, во-вторыхъ, такая жизнь есть ли одна и та же, одинаковая какъ для цѣлаго (политического) общенія (государства), такъ и для каждого члена его, единичнаго человѣка въ отдѣльности, или же различная?“

„Никто (говорить Аристотель) не усомнится въ томъ, что всего есть три рода благъ: внѣшнія (богатство, могущество, слава), тѣлесныя (здоровье, сила, красота) и душевныя (добродѣтели), и что вполнѣ счастливый человѣкъ долженъ обладать всѣми этими благами (такъ что въ счастливой жизни должны соединяться, въ ея составъ должны входить всѣ эти роды благъ).“

„Но есть разногласіе во мнѣніяхъ по вопросамъ о томъ, сколько какихъ благъ нужно для счастія и какія блага превосходище, предпочтительнѣе, вожделѣнїе другихъ?“

Вотъ эти именно вопросы и изслѣдуется здѣсь Аристотель, но мы можемъ не слѣдить за подробностями этого изслѣдованія, ибо для насъ достаточно и его результата.

Результатъ же этотъ Аристотель выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Наилучшая, вожделѣнїйшая, счастливая жизнь — какъ для отдѣльного человѣка въ особенности, такъ и для государства вообще — та, въ которой добродѣтель (душевное благо) снабжена также и внѣшними благами настолько, что透过 это дѣлается возможнымъ (для человѣка) дѣятельное участіе въ согласныхъ съ добродѣтелью дѣяніяхъ.“

При этомъ Аристотель замѣчаетъ въ особенности о государствѣ слѣдующее:

„Счастливое государство есть только то, которое есть наилучшее (т.-е. по своему устройству) и которое все дѣлаетъ прекрасно (хорошо), а никакое прекрасное, хорошее дѣло не можетъ сдѣлать, совершивъ никакой человѣкъ въ отдѣльности и никакое государство помимо добродѣтели (арестѣ) и благоразумія (фрунгосѣ).“

Наилучшая, вожделѣнїйшая, счастливая жизнь есть ли

одна и та же, одинаковая какъ для цѣлаго государства, такъ и для каждого члена его, единичнаго человѣка, или различная? Аристотель говоритъ, что отвѣтъ на этотъ вопросъ самъ по себѣ ясенъ; ибо счастье государства не можетъ быть отличнымъ отъ счастья каждого его члена, какъ единичнаго человѣка, такъ что, конечно, всѣ признаютъ тождество счастія того и другого.

Поэтому-то если кто признаетъ, что счастіе человѣка состоить въ богатствѣ или могуществѣ, то онъ признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ счастливымъ и все государство, которое будетъ богато или могущественно. Кто же, напротивъ, признаетъ единичнаго человѣка счастливымъ за его добродѣтель, тотъ признаетъ и государство тѣмъ болѣе счастливымъ, чѣмъ болѣе есть въ немъ добродѣтели.

„Но также само собою ясно (говорить Аристотель), что то государственное устройство есть необходимо наиболѣшее, въ силу котораго каждый членъ его живетъ счастливо“.

„Однако, даже и тѣ, которые согласны между собою въ томъ, что добродѣтельная жизнь есть жизнь счастливая, спорятъ о томъ, какая жизнь заслуживаетъ предпочтенія: политическая, практическая, дѣятельная или же отвлекающаяся отъ всего внѣшняго, внутренняя, созерцательная, которую многіе называютъ единствено философскою жизнью?“

„Не малой важности решеніе вопроса: на чьей сторонѣ здѣсь истина? Ибо всякий разумный человѣкъ, какъ и всякое разумное государство въ его цѣлости, необходимо поставить для себя ту именно цѣль, которая ему кажется лучшею“ (следовательно, изберутъ или тотъ, или другой образъ жизни).

„И вотъ одни говорятъ, что властвовать надъ человѣкомъ, если это властованіе есть despoticкое (т.-е. какъ надъ рабами), есть крайняя неправда и несправедливость; если же властвовать политически, какъ надъ свободными гражданами, то хотя это властованіе и не есть неправедное и несправедливое, но оно препятствуетъ собственному счастливому спокойствію властителя; такъ что они отвергаютъ участіе во всякомъ политическомъ начальствованіи, правленіи государствомъ, какъ противное счастью свободнаго человѣка“.

На это Аристотель замѣчаетъ, что, „конечно, жизнь свобод-

наго человѣка (т.-е. свободнаго отъ государственныхъ дѣлъ) лучше, прекраснѣе жизни человѣка, властующаго деспотически; но всякую власть считать деспотическою невѣрно, ибо между властью надъ свободными и властью надъ рабами не меньшая разница, чѣмъ между самими людьми, по природѣ свободными и по природѣ рабами“.

„Другие, напротивъ, утверждаютъ, что единственно практическая, политическая жизнь достойна человѣка, ибо обширнѣйшій просторъ для дѣлъ всякой добродѣтели открывается не столько частному человѣку, сколько тому, кто завѣдываетъ общественными дѣлами, кто править государствомъ“.

На это замѣчаетъ Аристотель, что „предпочитать недѣятельную жизнь дѣятельной ошибочно, ибо счастіе состоить въ дѣятельности, но только въ прекрасной и нравственной дѣятельности. Однакоже дѣятельная жизнь не есть необходимо та, которая имѣеть въ виду другихъ людей, какъ думаютъ нѣкоторые, и не только тѣ мысли, теоріи суть практическія, которыя имѣютъ въ виду (внѣшніе) результаты, вытекающіе изъ какой-либо дѣятельности, но и притомъ еще болѣе тѣ мысли, теоріи, которыя сами въ себѣ совершенны и самоцѣльны“.

„Наконецъ, нѣкоторые признаютъ единственно счастливымъ только деспотическій и тиранническій образъ государственной жизни, такъ что въ нѣкоторыхъ государствахъ все устроено законами для владычества надъ сосѣдями, и слѣдовательно для войны, какъ цѣли государственной жизни. Большинство людей признаютъ, что политика есть искусство деспотически властвовать надъ другими государствами, и не стыдятся властвовать надъ ними даже неправедно и несправедливо, хотя у себя, въ своемъ государствѣ требуютъ, чтобы власть была праведная и справедливая“.

На это Аристотель замѣчаетъ, что „сама природа различила тѣхъ, которые способны подчиняться власти, какъ рабы, и тѣхъ, которые способны быть деспотами; господствовать, быть господами; а если это такъ, то не слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы властвовать надъ *всѣми* деспотически, а только надъ тѣми, которыхъ къ тому предназначила сама природа; вообще невозможно, чтобы власть, какъ таковая, — все равно, будетъ ли она праведною и справедливою, или же неправедною

и несправедливою,—была цѣлью стремленій всѣхъ единичныхъ людей и государствъ. Поэтому и мѣры для веденія войны хотя и могутъ быть хороши и полезны какъ средства, но онъ не хороши какъ конечная цѣль“.

„Напротивъ, задача хорошаго законодателя состоять въ томъ, чтобы предусматривать всѣ средства, съ помощью которыхъ государство, образующе его люди, какъ и всякое другое (людское) общеніе, могли бы достигнуть хорошей жизни и возможнаго для себя счастья“. Но до законодательного же искусства относится также и задача, состоящая въ томъ, чтобы, когда есть въ сосѣдствѣ другія государства, опредѣлить, какъ съ ними слѣдуетъ обращаться, смотря по ихъ различному качеству, или какія обязанности слѣдуетъ исполнять въ отношеніи каждого изъ нихъ въ отдѣльности.

„Итакъ (говорить Аристотель), изъ всего сказаннаго ясно, что вообще одна и та же жизнь необходимо есть наилучшая, вожделѣнная, счастливая какъ для единичныхъ людей, такъ и для государствъ, и что въ особенности даже государства могутъ вести подобнымъ образомъ внутреннюю жизнь, какъ и единичные люди, ибо собственно призваніе государства состоитъ не въ дѣятельности его внѣшней, а въ споспѣществованіи счастью или общему благу своихъ членовъ“.

Въ виду опредѣленной такимъ образомъ наилучшей, вожделѣннѣйшей, счастливой жизни, Аристотель рассматриваетъ затѣмъ условія, желаемыя или необходимыя для наилучшаго государственного устройства. Но при этомъ разсмотрѣніи Аристотель различаетъ два рода такихъ условій: одни изъ нихъ зависятъ отъ случайности, а не отъ самого законодателя; другія же зависятъ собственно отъ законодателя. На такомъ основаніи мы составили изъ всего остального содержанія этого первого раздѣла двѣ слѣдующія части, изъ которыхъ въ одной будутъ изложены зависящія отъ случайности, или внѣшняя условія, для наилучшаго государственного устройства, а въ другой — зависящія собственно отъ знанія и воли законодателя.

Б. Внѣшнія, зависящія отъ случайности, условія, которыя должны быть даны въ государствъ законодателю, для наилучшаго государственного устроенія, въ виду наилучшей,

счастливой жизни. Условія этого первого рода сводятся у Аристотеля къ слѣдующимъ пяти видамъ:

- а) условія, относящіяся до количества гражданъ;
- б) условія, относящіяся до размѣра и качества территории;
- в) условія, относящіяся до качества гражданъ;
- г) условія вообще для самостоятельной жизни государства, и—
- д) мѣстныя условія для наилучшаго государственного устройства.

а) *Условія, относящіяся до количества гражданъ.* „Послѣ замѣчаній (о наилучшей, счастливой жизни), служащихъ только необходимымъ вступленіемъ въ дальнѣйшія, остальная изслѣдованія, первый вопросъ (говорить Аристотель) слѣдующій: въ какихъ условіяхъ должно стоять государство, которому мы желаемъ наилучшаго устройства (или какія условія необходимо для этого предположить), потому что невозможно стать, осуществляться въ дѣйствительности наилучшему государственному устройству безъ соответствующихъ тому вышнихъ условій. Но хотя многое такое можетъ быть предположено, какъ желаемое нами, однако въ этомъ желаемомъ не должно быть ничего такого, чтѣ было бы невозможно. Такія необходимыя предположенія, условія суть, напримѣръ, известное число, количество гражданъ и страны, область известнаго размѣра, пространства. Ибо какъ всякие другие производители, мастера, напримѣръ ткачъ или корабельный мастеръ, имѣютъ нужду въ соответствующемъ ихъ работѣ материалъ (блѣ),—такъ что чѣмъ лучше будетъ этотъ материалъ, тѣмъ лучше будетъ и тѣ, чтѣ изъ него сдѣлано,—такъ равно и политикъ, и законодатель имѣютъ нужду въ особенномъ материалѣ, пригодномъ для ихъ дѣятельности. Здѣсь первая потребность (какъ материалъ для политика, законодателя), первое необходимое условіе—это люди, такъ что здѣсь спрашивается, сколько ихъ нужно и какого свойства или (какое должно быть ихъ количество и какого должны быть они качества); а затѣмъ (второе необходимое условіе)—это страна, земля (область, территорія), относительно которой спрашивается также, какъ велика должна она быть и какого качества“.

Вотъ всѣми этими вопросами и занимается здѣсь Аристо-тель. И вотъ что говорить онъ объ этомъ предметѣ:

„Относительно жителей слѣдуетъ обращать вниманіе не столько на ихъ число, сколько на ихъ силу (т.-е. на то, чтѣ они смогутъ), ибо и государство имѣть свою задачу, а слѣдовательно то государство слѣдуетъ считать наиболѣшимъ, кото-рое имѣть силу наисовершеннѣйшимъ, наилучшимъ образомъ выполнить эту задачу (а не то, которое наимноголюднѣе)“.

„Притомъ, говоря о большомъ государствѣ, слѣдуетъ разу-мѣть здѣсь не просто многолюдное государство, изъ какихъ бы то ни было людей, каковы рабы, метики и иностранцы, и которыхъ иногда необходимо бываетъ имѣть много въ госу-дарствѣ, но только тѣхъ людей, которые составляютъ часть государства и изъ которыхъ и составлено государство, какъ собственно изъ своихъ членовъ, именно гражданъ“.

„Затѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ отношеніи то государство есть наилучшее, которое не настолько много-людно, что не можетъ быть вполнѣ благозаконнымъ, ибо законы есть известный порядокъ, слѣдовательно благозаконіе необходимо есть благопорядочность; всякое слишкомъ много-людное государство не можетъ быть благопорядочнымъ, т.-е. благоустроеннымъ, имѣющимъ хорошее устройство. Но и, на-оборотъ, слишкомъ малолюдное государство не можетъ быть самодовлѣющимъ для счастливой жизни,—а такимъ непремѣнно должно быть государство (ибо иначе оно не будетъ самостоя-тельно). Вообще государство, какъ прочія вещи, существа—животныя, растенія, орудія—имѣть известную мѣру, которую если преступитьъ, то теряетъ свою силу, свое свойство, а именно, если оно будетъ чрезмѣрно велико или мало, то будеть негодно или дурно (некрасиво), или утратить свою при-роду,—такъ напримѣръ, корабль въ одну пядь или въ двѣ стадіи уже не корабль: или онъ будетъ некрасивъ, или будетъ дурно плавать“.

„Хотя, по количеству населенія (по числу гражданъ), одно государство можетъ быть и больше другого, однакоже мѣра его въ этомъ отношеніи не безпредѣльна. Предѣлы эти легко могутъ быть выведены изъ данныхъ въ опытѣ. Такъ государ-ство имѣть свою дѣятельность. Эта дѣятельность слагается

изъ дѣятельности начальствующихъ, правящихъ, властующихъ, и изъ дѣятельности подначальныхъ, управляемыхъ, подвластныхъ. Дѣятельность первыхъ состоитъ въ распорядкѣ, распоряженіяхъ и въ судѣ. Но для правильного разбирательства правоотношений и правильного суда по нимъ въ каждомъ данномъ случаѣ, а также для правильной раздачи государственныхъ должностей, каждому по его достоинству, граждане должны знать другъ друга; ибо гдѣ этого неѣть, тамъ непремѣнно дурно и управление, и судъ. Поступать же въ этихъ обоихъ случаяхъ на-авось, неосмотрительно — это неправедно и несправедливо; а это непремѣнно бываетъ въ чрезмѣрно многолюдномъ государствѣ”.

„Притомъ въ такомъ государствѣ легко будетъ для иностранцевъ и метиковъ захватить себѣ участіе въ государственномъ правленіи, ибо при чрезмѣрномъ населеніи легко будетъ имъ остаться въ томъ незамѣченными”.

„Итакъ, наилучшая мѣра государства въ этомъ отношеніи есть, очевидно, слѣдующая: число гражданъ должно взойти на такую возможно наибольшую высоту, какая необходима для ихъ самодовлѣющей жизни, но въ то же время это число гражданъ должно быть таково, чтобы легко было ихъ обозрѣть, окинуть взглядомъ”.

б) Условія, относящіяся до объема и качества территорії. „Что касается вопроса, какого качества должна быть страна, территорія, то всякий, очевидно, дасть предпочтеніе такой, которая удовлетворяетъ вполнѣ всѣмъ потребностямъ; а такова та страна, которая производить все необходимое. Ибо истинное самодовлѣніе (самодовольство) состоитъ въ томъ, чтобы имѣть все и ни въ чемъ не нуждаться. Поэтому страна, по обилію продуктовъ и по обширности своей, должна быть такова, чтобы она была въ состояніи доставить обитателямъ своимъ жизнь досужную, но умѣренную,держанную”.

„Какой видъ или какое положеніе должна имѣть страна? — это легко опредѣлить ближайшимъ образомъ. Но здѣсь слѣдуетъ въ некоторыхъ отношеніяхъ принять во вниманіе совѣты, мнѣнія людей, искусныхъ въ военномъ дѣлѣ, которые утверждаютъ, что страна должна быть неудобна для вступле-

нія, вторженія въ нее непріятелей, и, напротивъ, удобна для выхода изъ нея самихъ обитателей“.

„Далѣе, то же, что сказали о массѣ людей въ государствѣ, что она должна быть легко обозрима, слѣдуетъ сказать и о странѣ, что она должна быть удобообозрѣваемою. А удобообозрѣваемость значитъ здѣсь удобозащищаемость со всѣхъ сторонъ“.

„Что же касается (главнаго) города (*πόλις*), то желательно, чтобы его положеніе и со стороны моря, и со стороны суши было равно благопріятное. Благопріятно же оно, во-первыхъ, тогда, когда городъ находится въ связи со всѣми пунктами страны, такъ что легко можетъ всѣмъ имъ подать помощь, а во-вторыхъ, положеніе города благопріятно тогда, когда оно удобно для привоза въ городъ плодовъ земли, дровъ и вообще лѣсного материала и другихъ продуктовъ, которые имѣть и производить цѣлая страна“.

„Впрочемъ, еще весьма спорный вопросъ, полезна или вредна близость моря для городовъ, пользующихся хорошимъ законодательствомъ; ибо, говорять, непрестанное присутствіе иностранцевъ, воспитанныхъ подъ иными законами, вредно для благозаконія (хорошаго законодательства и законнаго порядка), а также противно хорошему государственному устройству чрезмѣрное многолюдство, которое возникаетъ именно вслѣдствіе морскихъ сношеній (благодаря близости моря), въ видѣ массы торговыхъ людей,ѣздающихъ за границу и стремящихся въ государство изъ-за границы“.

„Но, конечно, несомнѣнно, что, помимо этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, положеніе города и страны близъ моря полезно какъ для ихъ безопасности, такъ и для снабженія ихъ въ обиліи всѣми продуктами, необходимыми для удовлетворенія жизненныхъ потребностей. Ибо дабы успѣшиѣ можно было отразить нападеніе враговъ, должно имѣть возможность удобно подать помощь отовсюду, обоими путями, и водой, и сушей; а также, когда нужно нанести противникамъ вредъ, уронъ (уже нападеніемъ на нихъ, а не защищую, оборонюю только противъ нихъ), то если нельзя будетъ этого сдѣлать разомъ на обоихъ путяхъ (на морѣ и на сушѣ), во всякомъ случаѣ удобнѣе это сдѣлать хоть съ одной ка-

кой-либо стороны тому государству, которому открыты оба пути, и море, и суза“.

„Къ выгодамъ близости моря для государства относится также и то, что такимъ образомъ удобнѣе можетъ быть исполнено одно изъ необходимыхъ требованій, чтобы ввозить неимѣющіеся въ странѣ продукты и вывозить свои продукты, которыми она изобилуетъ. Ибо государство должно вести торговлю только для себя, а не для другихъ“.

„Гдѣ же, напротивъ, государство открываетъ у себя рынокъ для всѣхъ, тамъ это дѣлаетъ оно чисто изъ прибыли. Но государству должно быть чуждо такое корыстолюбіе, а потому и не слѣдуетъ ему имѣть такой торговый рынокъ для всѣхъ“.

„Но такъ какъ мы въ дѣйствительности не находимъ нынѣ во многихъ городахъ и странахъ пристани и гавани со столь выгоднымъ для города положеніемъ, что, не входя въ составъ (города), отдѣляясь отъ него, онѣ однакоже недалеко отстоятъ отъ города (каково было, напримѣръ, положеніе Пирея относительно Аѳинъ), будучи вмѣстѣ съ тѣмъ обнесены стѣнами и защищены другими укрѣпленіями, то очевидно, что всякая выгода, вытекающая изъ морскихъ сношеній этого государства съ другими государствами, пойдетъ и на пользу города, между тѣмъ какъ отъ всякой для него невыгоды легко можно охранить его законами, которыми должно быть указано и опредѣлено, кому (изъ гражданъ) дозволяется вступать въ такое сношеніе съ другими государствами, и кому это запрещается“.

„Что касается морской силы, то имѣть и ее въ известной мѣрѣ государству весьма, конечно, полезно. Ибо не только само для себя государство должно быть сильнымъ, но и для многихъ сосѣдей своихъ оно должно быть въ состояніи явиться страшнымъ и способнымъ оказать имъ помощь какъ на суше, такъ и на морѣ. Что же касается количества и мѣры морской силы, то они должны быть обусловливаемы жизнью самого государства. А именно, если оно ищетъ себѣ гегемоніи (главенства надъ другими государствами) и политической жизни (т.-е. важной политической роли), то и (морская) сила его необходимо должна соответствовать такому кругу его дѣятельности“.